

Я вскочил на ноги и выхватил меч. Тамара зашевелилась надо мной на дереве, натягивая лук и накладывая стрелу. Сефур медленно протянул руку к рукояти.

В свет костра шагнула тень пантеры. Мое сердцебиение участилось. Я протянул руку и приготовился вызвать искру. Затем остановился. На шее пантеры был участок обгоревшего меха. В пасти пантеры был окровавленный кролик. Мой рот открылся.

— Ну, я думаю, мы нашли нашего последователя. — Тихо сказала Тамара с высоты своего насеста, стрела все еще была прижата к щеке.

— Твой друг, малыш? — спросил Сефур. Он выглядел обманчиво расслабленным, лицо было нейтральным, но тело было готово рвануться вперед в любую секунду.

— ... Знакомая, — медленно сказал я. Меч был наготове, но я не делал резких движений. Пантера осторожно подошла ко мне, не сводя с меня глаз. Она открыла пасть и с глухим звуком бросила кролика. Затем она подвинула маленькое животное ко мне носом. Она улеглась на сучья, прижав уши.

— Возьми его, — прошептала Тамара. — Это подношение.

— Это нормально? — спросил я.

— Нет.

Я протянул руку вперед и взял кролика. Он был мокрым и липким в моей руке. Каким-то образом, несмотря на полную растерянность, я знал, что делать. Достав маленький охотничий нож, который мне дал Сефур, я начал снимать с кролика шкуру. Работа была небрежной и неумелой, но это не имело значения. Пантера смотрела на это со спокойным интересом. Я готовил кролика на огне, по лбу стекала струйка пота. Действуя чисто на инстинктах, потому что это было правильно, я разрезал мясо пополам и положил часть перед зверем.

Пантера молча наблюдала за мной. Сначала ты, — казалось, говорила она.

Я вгрызся в кролика. Он был немного пережарен и еще сыроват в центре. Только после того, как я сделал несколько первых укусов, пантера начала есть. Мои спутники уже проснулись и наблюдали за происходящим в благоговейном молчании. Пантера с жадностью съела свою порцию, затем поднялась на лапы и со смертоносной грацией скрылась в лесу.

Сефур испустил долгий вздох. — Ну разве это не потрясающе.

Я проснулся на рассвете. Сефур, как и обещал, был уже на ногах. Он чистил свою саблю, отполированная сталь блестела в утреннем свете. Без слов он повернул голову, указывая за собой. Я встал и последовал за ним в лес. Для такого многословного человека он сейчас был

тих, почти благоговейно глядя на окружающий нас лес. Мы вошли в небольшое кольцо деревьев. Земля здесь была неровной, но для Эвервуда это была настолько хорошая тренировочная площадка, насколько можно было надеяться найти.

Сефур достал свой меч, и я последовал его примеру.

Затем он принялся демонстрировать, насколько плохо я подготовлен. Он двигался стремительно, с грацией танцора. Я едва мог коснуться его меча, не говоря уже о нем самом. Каждый обмен заканчивался тем, что плоская часть его меча ударяла по новому нежному участку моего тела. В непринужденной беседе казалось, что Сефур может говорить вечно, не утомляясь от звука собственного голоса. На тренировках его слова были столь же эффективны, как и фехтование.

Удар. Сабля больно ударила в бок.

— Расправь плечи.

Удар. Сабля треснула по ребрам.

— Не отвлекайся.

Удар. Сабля отскочила от голени.

— Не теряй бдительность.

Удар.

Удар.

Удар.

Последний удар отскочил от острия локтя, посылая разряд боли по руке. Я зарычал и отошел в сторону, пытаюсь стряхнуть боль.

— Ты злишься. — Бесстрастно заметил Сефур.

«Расстроен, — ответил я, разжимая руку, а затем снова вернулся к нему. Мы собрали небольшую толпу. Орбен подошел к нам и с громким чавканьем уплетал кроличье мясо, оставшееся с прошлой ночи. Майя наблюдала за ним со стороны, заложив руки за спину.

Еще один шквал ударов, слишком быстрых, чтобы их отследить, и плоская часть сабли Сефура

больно ударила меня по пояснице. Я отмахнулся от него, оскалившись.

— Почему ты злишься? — спросил он.

Вместо ответа я бросился вперед с замахом вверх. Сефур легко уклонился; сабля ударилась о мое запястье на подходе и прибавила мне скорости, выведя меня из равновесия и отправив кувыркком назад.

— Потому что я справился с призраком. Должен же хотя бы не отставать от тебя.

— Яблоки против апельсинов, парень. Спарринг и борьба за свою жизнь — две совершенно разные ситуации.

Это не имело смысла для меня. Мышечная память и усилия были одинаковыми. Конечно, нужно было учитывать адреналин, но это уже спорный вопрос, так как он влияет в обоих случаях.

— Я не совсем понимаю, — признался я, отбивая удар сверху, но был остановлен внезапным взмахом руки. Сбоку я увидел потягивающуюся Тамару. Оставался только Люциус, благородный до мозга костей.

— Тогда продемонстрируем.

Сефур одним плавным движением убрал меч в ножны, легко уходя от моего удара. Он повернулся к Майе. — Фиолетовая малышка, если я не отрублю голову Кэрну, если раню его, ты сможешь исцелить большинство серьезных ран, верно?

Майя медленно кивнула, не выглядя обрадованной этим.

— Позволь мне уточнить. Ты не дашь ему умереть? — надавил Сефур.

— Да, — сказала Майя, ее акцент был густым, а голос — сиплым со сна. — Я в долгу перед ним.

— Что ж, ты слышал леди, — сказал Сефур, обернувшись ко мне. — Постарайся не умереть.

Сефур обнажил свой меч. Но это было не так, как раньше. Что-то неуловимо изменилось. Что-то в его форме, в окружающем воздухе. Затем его меч мелькнул невероятно быстро.

Он собирался убить меня. Мой разум внезапно заработал на полную мощность. Я пригнулся под его клинком, откатился назад, пытаюсь создать дистанцию. Сефур настиг меня серией жестоких ударов. Я отбил их и, шагнув в зону досягаемости его клинка, с размаху ударил его по лицу. Он сделал быстрый шаг назад, и я вызвал искру, опустившись на одно колено, чтобы

поджечь траву...

Сефур только улыбнулся мне. Тамара хлопала. Я вспомнил о пламени с трудом. Напряженное онемение в моей груди то вспыхивало, то исчезало. Уголком глаза я увидел, как Майя вздохнула с облегчением.

— Черт возьми. Бенни, ты когда-нибудь видел, чтобы ребенок двигался так быстро? — спросил Сефур.

— Нет, — проговорил Орбен с набитым ртом.

— Он быстрый.

— Вот как ты победил призрака, парень. — Сефур положил руку мне на плечо. Было странно, когда меня так хвалили.

— Инстинкты. Многие мужчины тренируются полжизни, чтобы потом сломаться, когда увидят настоящий бой. Некоторые справляются с этим прекрасно. Другие преуспевают. Ты из последних. Однако импровизация и инстинкт заведут лишь очень далеко от техники. — Сефур поморщился. — Нам нужно достать тебе более тяжелый меч. Такой, чтобы нарастить мышцы, а затем работать с семью чертями над твоей формой.

Это был такой маленький момент. Но я проигрывал его в уме снова и снова, каждый раз, когда упирался в стену. В каком-то смысле Сефур был моим первым настоящим учителем, и я принял его слова близко к сердцу.

Мы провели еще час за тренировками.

Тамара принесла посох из нашего лагеря и бросила его Майе. Я не замечал этого раньше, но Майя умело обращалась с посохом. Она отработывала ката, двигаясь все быстрее и быстрее, пока деревянный посох не исчез в коричневом мареве. Тамара использовала маленький изогнутый короткий меч так, что ее противница выглядела медлительной по сравнению с ней, но Майя все равно давала достойный отпор. Тамара была гораздо более добрым учителем, чем Сефур, указывая на недостатки без немедленного телесного наказания. Когда Люциус, наконец, поднялся, поскольку у него не было меча, он, казалось, был доволен тем, что просто наблюдал, растянувшись на соседнем валуне.

К тому времени, когда мы вернулись на дорогу, лед был окончательно разбит. Все сблизилось во время спарринга. В последующие два дня мы продолжали в том же духе. По вечерам теневая пантера снова появлялась, неся фазана и еще одного кролика. На вторую ночь она позволила мне погладить себя по голове и легла спать в лагере вместе с нами. Тамара начала отпускать бесконечные шутки о том, что я друид.

Это случилось примерно на третий день. Деревья росли все реже и реже, дорога становилась все более ровной и чисто уложенной. В один момент линия деревьев закончилась, открыв нам лишь зелень. Мы перебрались на другую сторону.

Я взглянул на Сефура, задавая немой вопрос.

Он закатил глаза и кивнул.

Я уперся пятками в бока лошади. Он прибавил темп, переходя в стремительный галоп. Ветер рвал меня на части. Я мчался вперед, копыта моего коня били по земле.

Быстрее.

Мы свернули с тропы и понеслись к озеру на востоке. Маленькая серебряная жемчужина расширялась, становясь все шире и шире в моем поле зрения, пока я не стал видеть только голубой цвет.

Позади меня стена деревьев уменьшалась, оставаясь лишь далеким воспоминанием.

Наконец-то мы вышли из Эвервуда.

У нас было немного времени, чтобы смыть с себя грязь и коготь, оставшиеся после путешествия. Я не мог передать, насколько лучше себя чувствовал. Столько ужасных воспоминаний осталось позади. Клаустрофобия Эвервуда стала привычной, но теперь все казалось таким открытым и свободным. Сефур жаловался, пока все не собрались, и мы вернулись на дорогу.

Теперь, когда стало гораздо легче заметить опасность, путешествие пошло гораздо быстрее. Мenee чем через три часа мы поднялись на холм и впервые увидели Холис.

Остановились на вершине холма. Сефур передал Майе свой плащ с капюшоном. — Наверное, будет лучше, если ты наденешь это. Не нужно скакать и поднимать шум.

Я уже собирался выразить протест, когда, к моему удивлению, Майя безропотно приняла плащ и поблагодарила Сефура за него. С помощью Тамары Майя обмотала руки бинтами, пока последний кусочек фиолетовой кожи не оказался в самом капюшоне. Образ был завершен, когда Майя достала из сумки с припасами бело-серую маску с полумесяцем и надела ее на лицо. Она привыкла к этому. Мне пришло в голову, что я понятия не имею, как отреагировали бы жители Уайтфолла, не говоря уже о Холисе, если бы инфернал приехал в город и зашел в бар. Сколько себя помню, я не мог припомнить ни одного такого бара в пределах городских стен. Люди с демонической кровью встречались довольно часто, хотя в высшем обществе на них смотрели свысока.

Все это как-то неправильно. Я поймал Люциуса за аналогичным выражением недовольства.

Невозможно было не сравнивать Холис со столицей. Я прожил там всю свою жизнь, и, естественно, это было мерилom, по которому я видел все остальные города. Тем не менее было здорово снова увидеть цивилизацию. Перед главными воротами тянулась вереница ферм. Смуглые мужчины обрабатывали поросшие озимью поля, уже начиная закладывать основу для будущего сезона. Они казались дружелюбными, останавливались, чтобы помахать нам рукой, когда мы проходили мимо, а затем возвращались к своим делам. Сам город был похож на деревню, размером примерно с верхний город, но с лучшими дорогами. Мощные дороги обрамляли причудливые здания, большинство из которых были белыми с коричневыми опорами, и лишь немногие из них превышали один этаж. Большинство крыш были соломенными — Холис был одним из многих небольших городов, в которых еще не было черепицы.

Нашу группу остановила пара охранников у ворот. На их панцирях виднелись следы ржавчины, а их куртки были поношенными и засаленными. Мой отец впал бы в ярость.

— По какому вы делу, — сказал стражник. Он осмотрел нас, его взгляд ненадолго остановился на Майе, а затем скользнул в сторону.

— Королевские егеря, — ответил Сефур. — Нашли кое-что, что может заинтересовать герцога Дезирика.

— Да? — спросил стражник голосом, звучавшим так, словно он очень сильно сомневался в этом.

— Руфус, ты чёртов старый ублюдок, — Люциус направил своего коня к передней части группы. — Почему ты не ищешь меня?

— Молодой господин! — Стражник улыбнулся и тут же поклонился. — Наконец-то вы добрались до дома.

— Нет, только благодаря тебе.

— Герцог поручил своим лучшим людям искать вас, господин. Я бы только замедлил их. Слабые кости и все такое.

— Я уверен, что он так и сделал. — Люциус нахмурился.

— Эй! — Стражник повернулся обратно к воротам. Из них выглянул маленький мальчик, не старше семи лет. — Иди скажи герцогу, что его сын вернулся. Быстро! — Кивнув, мальчик побежал к единственному зданию, достаточно большому, чтобы быть домом герцога.

— Ну, входите, господин. — Руфус улыбнулся беззубой улыбкой. — Зовите своих друзей. Возьмите их с собой на ночной рынок сегодня вечером. Моя жена будет там с последним

зимним урожаем.

— У Озеллы в этом году есть медовый ямс? — спросил Люциус.

— Вы же знаете, господин.

— Тогда ни за что не пропущу.

Люциус махал рукой случайным людям, когда мы шли по городу, и они толпились вокруг него.

Мне пришло в голову, что из Люциуса получился бы отличный лидер. С другими дворянами он был надменным и преисполненным самодовольства, но со стражниками и простыми людьми он был настолько приземленным, что знал имена их жен и подробности их предприятий. Это вызвало всплеск ревности. Для меня всегда существовало разделение. Наверху я мог вписаться в общество простолюдинов, но только замаскировавшись. Если я входил как Кэрн, наследный принц, все обходили меня стороной, включая стражу. Возможно, дело было в репутации моего отца. А может быть, гораздо вероятнее, что я просто был засранцем.

Нас провели в особняк герцога. Он действительно был очень большим по сравнению с другими зданиями в городе. Пришел дворецкий, чтобы забрать наши одежды. Майя отшатнулась от него.

— С ней все в порядке, — сказали мы с Сефуром одновременно. Дворецкий бросил на нас странный взгляд, но никак не прокомментировал. Через минуту нас провели в зал для отдыха.

— Мой мальчик! — проревел кто-то. Все вскочили. Герцог Дезирик был колоссальным, громогласным человеком с руками, похожими на стволы деревьев. Его массивный живот нависал над страдающим ремнем, а волосы были до безобразия рыжими. Он подхватил Люциуса и, смеясь, закружил его. Лицо Люциуса оставалось совершенно невозмутимым.

Ничего не прояснилось. Это был соратник Бариона по теневому обществу Темной гильдии? Не могу представить, чтобы этот человек обидел хоть муху, не говоря уже о том, чтобы одобрить эксперименты над людьми. Затем я вспомнил свое первое впечатление о Барионе. Это было не просто, ведь я так долго считал его чудовищем. Он казался совершенно безобидным. Эклектичный исследователь, занимающийся своим делом.

Мой рот приоткрылся. Возможно, я был слишком доверчив. Не хотелось бы, чтобы меня дважды приняли за дурака.

Дезирик опустил Люциуса на пол. — Ты здоров, мой мальчик? — спросил он.

— Очень хорошо. Отец, это те люди, спасшие меня. — Люциус указал на Майю и меня. Герцог несколько ошарашенно повернулся к Сефуру, схватил его за руку и с энтузиазмом пожал ее. — Я не могу выразить вам свою благодарность, добрый сэра.

— На самом деле, — Сефур потер затылок, — мы просто отвечали за сопровождение. Наследный принц и Майя спасли вашего сына.

— Наследный принц? — Выражение лица Дезирика неумовимо изменилось так, что я не был уверен, что оно мне нравится. Он повернулся ко мне. — Вы? Вы Кэрн, сын Ги́ла?

— Приветствую вас, герцог Дезирик. — Я улыбнулся ему фальшивой улыбкой. — Спасибо за гостеприимство.

— Благодарю вас, мой принц. — Дезирик низко поклонился, его пояс жалобно скрипнул. — Если бы я знал, что буду принимать столь высокопоставленных гостей, я бы лучше подготовился. А за то, что сам принц спас моего мальчика... я приношу свою глубочайшую благодарность.

— Ничего страшного. — Я солгал. — Однако моя роль в этом была ограничена. Если бы не исцеление и вмешательство моего спутника, ваш сын умер бы задолго до того, как я наткнулся на эту проклятую рощу. — Рядом со мной Майя неловко пошевелилась.

Герцог еще раз поклонился мне, затем посмотрел на Майю. — Сними свою маску, дитя, чтобы я мог взглянуть на лицо спасителя моего сына. — Напряжение в комнате внезапно возросло. Майя взглянула на меня, ее голубые глаза были полны ужаса. Я кивнул. Ей не нужно маскироваться в этом месте. Герцог не посмеет плохо обращаться с гостьей принца. Майя немного успокоилась, а затем сняла капюшон и маску.

Дворецкий задохнулся. Лицо герцога Дезирика побледнело. — Инфернал. — Он вздохнул.

Майя неловко сделала перед ним реверанс. Глаза герцога перебежали с ее лица на рога, на повязки на руках, он был шокирован. Затем он со стоном сел на огромный стул, который, должно быть, был создан специально для него, и потер лицо.

Люциус начал говорить: «Отец...»

Дезирик поднял усталую руку. — Очень хорошо, дитя. Какую цену я должен заплатить, чтобы вернуть душу моего глупого сына?

Герцог заговорил о том, что я всегда считал старой ускарийской байкой: о множестве легенд с одним и тем же сюжетом. Инферналы забирали души похищенных детей. Родители платили огромные суммы золота или обменивали свои собственные души. Неужели эти деревенщины были настолько суеверны? Постепенно в моей голове начали прокручиваться многочисленные способы, с помощью которых я мог бы использовать свой авторитет для нанесения монументального ущерба городу Холис. Моя ярость росла. Я уже собирался вскочить, когда заговорила Майя. Ее голос был взвешенным и вежливым.

— Я бы согласилась на буханку хлеба и комнату на ночь, мой господин.

Я удивленно посмотрел на нее.

Герцог молчал. Затем он начал смеяться, и, к чести моих спутников, никто из них не присоединился к нему. — Ты получишь ее, моя дорогая, получишь. В моем доме хватит места для всех вас. Но мы будем ужинать не только хлебом. Мы должны праздновать! — Дезирик щелкнул пальцами. — Гантхар, прикажи слугам приготовить банкет. Нет, пир!

— Да, ваша милость. — Дворецкий отвесил учтивый поклон и выбежал из комнаты.

— Нам нужно будет пополнить запасы перед завтрашним путешествием, ваша милость, — сказал Сефур.

— Позвольте мне позаботиться об этом. Благодарность герцога в этих краях очень велика. — Дезирик подмигнул. Сефур слегка поклонился. Нас проводили в наши комнаты на верхнем уровне. Оказавшись вне поля зрения герцога Дезирика, я увидел, как Тамара одобрительно хлопала Майю по плечу.

Пока я распаковывал свои вещи, Сефур подошел ко мне сзади. — Что ты думаешь о хозяине этого дома? — спросил он низким тоном.

Значит, он тоже это видел. Герцог Дезирик хорошо играл роль добросердечного дворянина. Он был образцом деревенского гостеприимства и вежливости. Но как бы он ни был оживлен, как бы ни смеялся и ни улыбался, его пепельно-серые глаза никогда не менялись.

Это были глаза мертвеца.

— Чем скорее мы уедем, тем лучше, — ответил я.

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2354923>